

Дмитрий Калугин

«Одна семья, один град общий для мертвых и живых»:

О ТОПИКЕ ТРАНСИСТОРИЗМА¹

Dmitry Kalugin

“One Family, One City for the Living and the Dead”: On the Loci Communes of Transhistoricism

Дмитрий Калугин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), профессор департамента филологии, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных фундаментальных исследований; кандидат филологических наук) m.kalugin@gmail.com.

Ключевые слова: герой, дружба, воображение, трансисторизм, топос, история чтения

УДК: 82.091+821.161.1+7.01

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_69

В статье рассматриваются некоторые устойчивые историко-культурные формы трансисторического мышления, позволяющие представить общее пространство человеческого общения, в котором преодолеваются различные виды дистанций (временные, идеологические, дискурсивные). В этом сюжете можно выделить два повторяющихся мотива. Это имеющий ренессансное происхождение образ дружбы с книгой и концептуализация настоящего как «союза живых и мертвых». При помощи этих топосов, а также мотивированных ими процедур чтения великие люди прошлого выступают как собеседники и образцы для подражания, включаются в национальный «пантеон» или оживают под пером историков. На материале русских авторов XVIII—XIX веков (Я.П. Шаховского, Н.М. Карамзина, Т.Н. Грановского), помещенных в широкий европейский контекст, в статье показывается, что общие места, позволяющие помыслить встречу живых и мертвых, нередко определяют также видение настоящего и будущего.

Dmitry Kalugin (PhD; Professor, Department of Philology; Senior Researcher, Centre for Interdisciplinary Basic Research, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg)) m.kalugin@gmail.com.

Key words: hero, friendship, imagination, transhistoricism, topoi, history of reading

UDC: 82.091+821.161.1+7.01

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_69

This article examines several well-established historical and cultural forms of transhistorical thought that have allowed for the imagining of a common space of human society, in which various forms of distance (temporal, ideological, and linguistic) are overcome. Along these lines, two recurring motifs can be identified. These motifs are the image of friendship with a book, which has its origins in the Renaissance, and the conceptualization of the present as the “union of the living and the dead.” With the help of these topoi, as well as the reading procedures they encourage, great people of the past can serve as interlocutors and modes of readings that they encourage, great individuals of the past appear as interlocutors or role models, enter the national “pantheon”, or come “alive” with the aid of a historian’s pen. Based on the texts of Russian authors of the 18th and 19th centuries (Yakov Shakhovskoy, Nikolai Karamzin, and Timofei Granovsky) placed in a wider European context, the article shows that the loci communes that make it possible to conjure up an encounter between the living and the dead often also define visions of the present and the future.

1 Мне бы хотелось поблагодарить за помощь в работе над статьей Аркадия Блюмбайма, Екатерину Богач, Михаила Велижева, Бориса Маслова, Наталью Мовнину. Подготовка статьи осуществлена в рамках проекта: «Отечественная словесность на стыке литературных традиций» Центра междисциплинарных фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2022).

В своих наиболее общих чертах феномен трансисторизма предполагает особое отношение между прошлым и будущим: речь идет не о преемственности в строгом смысле слова, где одно следует за другим (в духе линейной истории), и не о «генеалогии» в фукольдианском смысле, которая подчиняет прошлое нуждам настоящего. Напротив, мы имеем дело с живым восприятием прошлого, составляющим с настоящим одну общую территорию, в которой нивелированы различные виды дистанции (временные, идеологические, дискурсивные) и где то, что разнесено во времени, существует в непрерывном взаимодействии. Ниже я попытаюсь проследить, как складываются эти отношения в текстах и сознании европейских авторов Нового времени, прежде всего в России XVIII—XIX веков. Как мы увидим, «общие места», позволяющие помыслить встречу живых и мертвых, сами оказываются той территорией, где происходит эта встреча.

Человек конструирует себя по отношению к прошлому различным образом. Он может, как ученик, прилежно копировать образцы, которые находят в книгах, повествующих о современности и древних временах, вступать с ними в доверительные, дружеские отношения, отыскивая себе предшественников и собеседников, становясь членом более широкой общности. Речь, таким образом, идет о стремлении расширить мир обычных человеческих отношений, включая в него нарративы о героях прошлого, о «великих людях», которые всегда находятся где-то рядом, обретают плоть и кровь благодаря силе воображения и нередко неудовлетворенности настоящим.

Воображая прошлое, человек стремится так или иначе вписать его в свое личное существование. Для этого необходим посредник: пример для подражания усваивается благодаря авторитету — тому, кто его транслирует, либо книге знаменитого автора [Koselleck 2004]. Князь Я.П. Шаховской в «Записках», вспоминая о своем «втором отце» (его родной отец умер в 1706 году, на следующий год после рождения князя), пишет:

[Он] справедливость и добродетель [наставлял] во всяких случаях всему предпочтить. Для преодоления слабостей моих и пороков советовал он мне самому о себе часто помышлять и оные обличать и обвинять собственным рассудком без послабления, притом тщиться всегда читать пристойные моим летам и обстоятельствам честные и полезные прежде бывшие дела, похвальную память о себе оставивших, и научать себя твердым духом по таким путям следовать. Сии то, благословенный читатель, в молодости моей вкорененные в сердце и в мысли мои поучения, были при всех случаях в поведениях моими первейшими правилами [Шаховской 1821: 2].

Герой следует усвоенным в отроческие годы примерам, всплывающим в памяти каждый раз, когда возникает кризисная ситуация. Вот Шаховскому предлагают взятку: описывается соблазн и переживания, но в конечном счете, победив свои сомнения, он решительно отказывается от денег. Происходит это так: «...напоследок, собрав в противоборство слабостей и в подкрепление в мысли моей примеры прежде бывших в свете патриотов, кои, предпочитая истинную добродетель всему, не токмо убожество, но и многие бедствия терпеливо сносили и жизнь свою справедливости в жертву посвящали, усчастливился я помощью Всевидящего, из мыслей моих бродящие лакомства прогнать и твердое положил себе правило, чтоб тем не опорочить мои до того к справедливости устремления» [Там же: 134—135].

Примеры, которые приходят на ум Шаховскому, имеют абстрактный характер. Невозможно сказать, о каком именно конкретном случае, отложившемся в его памяти, идет речь. Напрашивается вывод, что «пример» в том смысле, в каком он здесь понимается, — это знание не столько конкретного примера, сколько совокупности примеров, составляющей общий фонд образцов, источником которых могут служить античные жизнеописания², житийная литература, рассказы о добродетельных людях Нового времени. Подвергаясь перекодировке и вступая во взаимодействие с конкретными обстоятельствами жизни, они, зачастую уже безымянные, функционируют в качестве универсальных и трансисторических ориентиров, управляющих настоящим из прошлого. На более общем уровне это становится возможным благодаря тому, что человек кладет себе «твердое правило», чтобы в будущем предупредить свои сомнения. Правило — это обобщение единичных случаев, в соответствии с которым будет выстраиваться поведение в дальнейшем.

Если извлечение правила — это исключительно рациональная операция, то следование примеру связано в первую очередь с воображением, позволяющим преодолеть разрыв между прошлым и настоящим. Как и все в человеке, воображение поддается дрессуре, и «достойные примеры» настраивают его на правильный лад. Например, Роберт Додсли в своем труде «Учитель, или Всеобщая система воспитания», ставшем настольной педагогической книгой для читателей второй половины XVIII столетия, писал: «Воображение юноши... должно приучаемо быть, посредством *наставления, примеров, пристойных нравственных упражнений...* Должно часто представлять воображению сии возвышенные виды красоты и добра, и ревностно выхвалять оныя в трогающих изображениях и примерах» [Додсли 1789: 153]. Об усваивании исторических примеров благодаря удивлению пишет и Н.М. Муравьев, подчеркивая, что «добродетели, бескорыстная преданность отечеству, отвержение частных выгод, строгая справедливость, возжигая в сердцах наших искру соревнования, возвышают нас к сообществу сих величественных образов (древних. — Д.К.). Их чувствования становятся нашими посредством удивления, которое они внушают, и добродетель в действии принимает для нас живой образ и знакомые черты» [Муравьев 1819: 3].

Во всех приведенных цитатах работа воображения, создающая в сознании читателя «живой образ», связана с типом чтения и восприятия текста, сложившимся в XVIII веке и получившим название «сентиментальное чтение» [Виттман 2008: 375—383]. Речь идет об установлении отношений эмпатии с вымышленным персонажем, запускающим изощренную экономику «чувствований», построенную на взаимных проекциях и отождествлениях. Именно в этой перспективе возникает и становится значимым топос книги как «мертвого друга». К этому образу прибегает и Шаховской, описывая регулярно повторяющиеся неприятности на службе: «Такие часто случающиеся со мною перемены огорчили дух мой и омерзели тщеславные снискания; тем еще более, как я в один день приехав в дом к одному тогда больше многих доверенность в производст-

² Главная цель моралистического примера осмысляется античной историографической традицией следующим образом: повествуя о добродетельных мужах, историк должен сподвигнуть читателя «воссоздать в себе те же нравы» [Тацит 1993: 353]. При этом античные образцы часто персонализируются — читатель стремится «быть» Аристидом, Марком Аврелием или Юлием Цезарем.

вах дел имеющему Господину, который до того являлся мне благодетелем и, по некоторым оказанным ему от меня доброжелательствам, обнадеживал меня всегда заплатою своей дружбы, увидел его лице от меня отвращающего и не хотящего продолжать речи о моем тогда состоянии, но коротко и сухо на мое о себе прошение ответствующего; чего ради с наибольшим восчувствованием предположил я себе правило сидеть дома с мертвыми друзьями, не касаясь более до живых» [Шаховской 1821: 55]. И в другом месте: «...спешно пошел, чтобы отъехать в мой дом, дабы такие колеблющиеся мои мысли прогнать советами мертвых друзей» [Там же: 59].

Уподобление книги мертвому другу не является изобретением Шаховского — мы находим его в первой сатире А.Д. Кантемира: «Что же пользы иному, когда я запруся / В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся» [Кантемир 1956: 59]³. Часто книге («мертвому другу») отдается преимущество перед советами тех, кто находится рядом: «Книги вразумят тебя лучше твоих советников. <...> Читай, ищи друзей себе в книгах» [Мерсье 1786: 55—56]. Нужно отметить, что позиция друга-советника тождественна позиции наставника, учителя жизни, который становится посредником между анонимными примерами и читателем. С другой стороны, советы, почерпнутые из книг, оказываются более надежными, чем советы современников, поскольку не содержат в себе ничего случайного и ошибочного. Случай Шаховского показывает: советы «мертвых друзей» учат не идти на поводу у времени, а противостоять ему, следовать пути добродетели в недобродетельную эпоху, предлагая ту или иную альтернативу «норме» [Лотман 1992: 297—298]⁴.

В историческом плане дружба с книгами вырастает из рефлексии о дружбе. Рецепция античной темы умершего, отсутствующего друга связана в первую очередь с Цицероном. В диалоге «Леллий, или О дружбе» Цицерон задает основные обертоны этого сюжета: «Заключая в себе многочисленные и величайшие преимущества, дружба в то же время, несомненно, вот в чем превосходит все другое: она проливает свет доброй надежды на будущее и не дает нам слабеть и падать духом. Ведь тот, кто смотрит на истинного друга, смотрит как бы на свое собственное отображение (*exemplar*). Поэтому отсутствующие присутствуют (*absentes adsunt*), бедняки становятся богачами, слабые обретают силы,

3 Ср. также у Кантемира: «Где б, от шуму отдален, прочее все время / Провожать меж мертвыми греки и латины. / Исследуя всех вещей действия и причины» [Кантемир 1956: 147]. К этому месту Кантемир делает характерное примечание: «Меры нужда не позволила стихотворцу нашему включить и новейших писателей, которых он не меньше старых почитает, признавая, что в философических и математических делах от сих больше научиться можно» [Там же: 151].

4 Отношение к истории как учительнице жизни и ориентация на образцы продолжали рассматриваться как важный элемент воспитания человека и в XIX веке, что расширяет перспективу, намеченную Козеллеком в статье, посвященной *Historia magistra vitae*. Так, например, Я.К. Грот в «Заметке о значении идеалов в воспитании» (1858) констатирует: «В воспитании самое могучее средство есть пример: он сильнее убедительнейших наставлений, сильнее науки увлекает молодого человека в ту или другую сторону нравственного мира. Но круг примера не ограничивается одним непосредственным окружением воспитывающегося, ни даже одним настоящим; обильный источник примеров представляется и прошедшее, или, лучше, наука о прошедшем — история» [Грот 1903: 183]. О пагубном влиянии современников см.: [Там же: 185]. Подобные рассуждения об идеалах, на которые необходимо ориентироваться, являются для середины XIX века общим местом.

а умершие — говорить об этом труднее — продолжают жить: так почитают их, помнят о них и тоскуют по ним» [Цицерон 1974: 37].

Дружба имеет собственную темпоральность, она устремляется в будущее, если в настоящем ей уже нет места, побеждает смерть, продлевая существование близкого человека. Друг — это отражение, двойник, поселившийся в воображении; *exemplar* — слово, обозначающее одновременно оригинал, модель, а также копию, повтор, «экземпляр» [Derrida 1994: 19—20]. Человек, будучи включенным в сложные отношения взаимных проекций, раскрывается в ситуации постоянного обмена с другим — либо через непосредственное общение, либо при помощи опосредованных форм коммуникации (например, переписки), оказываясь в ситуации соприсутствия. Другой превращается в своеобразное зеркало, и распознавание своего отражения в другом становится одним из основных механизмов формирования личности [Kahn 2000: 296].

Стирание различия между живым и умершим другом определяет особый режим эмоциональности, лежащий в основании всей этой конструкции и позволяющий воспринимать текст в модусе дружбы (о чтении как «дружбе с текстом» см.: [Booth 1980]). Топика дружбы с книгами имеет, как представляется, ренессансные истоки, подобные образы можно найти у Петрарки⁵ и Макиавелли. В качестве примера приведу хрестоматийно известную цитату из послания к Франческо Веттори (1513), в котором Макиавелли описывает жизнь в изгнании и свои ученые занятия: «С наступлением вечера я возвращаюсь домой и вхожу в свой кабинет; у дверей я сбрасываю будничную одежду, запыленную и грязную, и облачаюсь в платье, достойное царей и вельмож; так должным образом подготовившись, я вступаю в старинный круг мужей древности и, дружелюбно ими встреченный, вкушаю ту пищу, для которой *единственно* я рожден; здесь я без стеснения беседую с ними и расспрашиваю о причинах их поступков, они же с присущим им человеколюбием отвечают» [Макиавелли 2004: 704]⁶.

В приведенном фрагменте принципиальное значение имеет указание на особый характер взаимодействия: древние общаются с героем дружелюбно, с любовью (*amorevolmente*) и человеколюбиво (*per loro humanité*). Именно

5 Петрарка пишет: «Я у истока Сорги, как сказал, и, коли так угодно судьбе, не ишу другого места и ничего не предприму, пока, верная себе, она не изменит своего ветреного указа. Меж тем я учреждаю себе здесь мысленно и Рим, и Афины, и отечество (*hic michi Romam, hic Athenas, hic patriam ipsam mente constituo*); здесь в этой тесной долине я часто собираю из всех стран и всех веков теперешних и былых друзей, не только испытанных близостью общения и современных мне, но и ушедших за многое столетий до меня, известных мне только по книгам, но поразивших меня или действиями, или высотой духа, или нравами, или жизнью, или красноречием и умом; общаюсь с ними гораздо охотней, чем с теми, кто кажется себе живущим только потому, что всякий раз, выдохнув из себя какую-нибудь гнусную бесмыслицу, видит в морозном воздухе след своего дыхания. Так брошу я на просторе, вольный и беззаботный, в окружении только любимых спутников; бываю, где хочу, в меру возможного остаюсь наедине с собой...» [Петrarка 2004: 196]. В этой цитате мы видим дружеское сообщество, куда входят друзья живые и «мертвые друзья».

6 Классический поэт испанского золотого века Франсиско де Кеведо (1580—1645), оказавшись, как и Макиавелли, в изгнании, обращается к схожей топике в одном из своих сонетов: «Здесь у меня собранье небольшое / Ученых книг, покой и тишина; / Моим очам усопших речь внятна, / Я с мертвыми беседую душою» [Кеведо 2006]. Показательно также и начало следующей строфы: «И мудрость их вседневно правит мною, / Пусть не всегда ясна — всегда нужна» [Там же].

благодаря дружескому расположению и любви, составляющим неотъемлемое качество человеческой природы, снимается различие между прошлым и настоящим и устанавливается единая перспектива, где на равных существуют живые люди и тени прошлого, с которыми, как с подлинными друзьями⁷, можно вести разговор, у кого можно просить совета в трудные минуты и, разведывая хитросплетения прошлого, приобретать необходимые для жизни в настоящем знания. Такое общение требует определенных условий (кабинета, книг, досуга), но главным остается желание сбежать от неблагополучного настоящего, найти утешение и помочь, которых не получить от тех, кто находится рядом. При этом граница между жизнью и смертью становится особенно зыбкой, и читатель, погружаясь в медитативное состояние, ощущает себя членом качественно иной общности.

Союз живых и мертвых содержит и другие аспекты, помимо дружбы и дружеского общения. Важнейший из них — эсхатологическое понимание истории и ожидание второго пришествия Христа, когда он явится в мир и станет судией «живым и мертвым» (Деян. 10:42, см. также: 2 Тим. 4:1; Лк. 20:38). Подобное сочетание использовалось вполне ожидаемым образом в учительной и религиозно ориентированной дидактической литературе, но помимо этого интересующая нас формула встречается и в литературных текстах, например в повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792), сочинение которой, по словам рассказчика, должно «облегчить немного груз моей памяти» и представляет собой «упражнение в похвальном ремесле марать бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых» [Карамзин 1964: 622–623]. Также можно привести пример из мемуарного текста, где герой, терзаемый противоречивыми чувствами, описывает свой поспешный отъезд из Москвы: «Сели в коляску, и солнцу заходящу выехали мы из Москвы, где все милое мне в живых и мертвых, далеко от меня оставалось» [Долгоруков 2004: 662].

Образ памяти как «соприсутствия» живых и мертвых — римский по своему происхождению⁸. Хорошо известна сентенция Цицерона: «*Vita mortuorum in memoria est posita vivorum*» — «Жизнь мертвых заключается (продолжается) в памяти живых» (Cic. Phil. IX, 5, 10). Топика живых и мертвых обретает новое существование в эпоху строительства наций, когда переживание связи с мертвыми было трансформировано в культивеликих людей, созданный по образцу культа святых [Bell 2003: 116–118]. Свое эмблематическое воплощение такого рода «воображаемое сообщество» (Б. Андерсон) нашло в парижском Пантеоне

7 Можно привести много примеров, где варьируются эти темы, но ограничусь одним — из эссе Марселя Пруста «О чтении»: «Несомненно, в дружбе, той дружбе, что связует отдельных людей, есть нечто легковесное, а чтение — это дружба. Но это, по крайней мере, дружба искренняя, и то, что она относится к умершему, к отсутствующему, придает ей какую-то бескорыстность, почти трогательность. К тому же это дружба, очищенная от всего того, что так уродует всякую иную. Поскольку мы, живые, лишь мертвцы, еще не приступившие к своим обязанностям, постольку все те любезности, все те расшаркивания в прихожей, которые мы именуем почтительностью, благодарностью, преданностью и к которым мы примешиваем столько лжи, пусты и утомительны. <...> В чтении дружба внезапно обретает первоначальную чистоту, с книгами любезности ни к чему» [Пруст 1983: 146–147]. Анализ этого фрагмента см.: [Подорога 2019: 16–17].

8 Об особенностях восприятия времени в древнеримской культуре см.: [Bettini 1993: 115–133]; о раннехристианских формах соприсутствия живых и мертвых см.: [Brown 1981: 86–106].

с его знаменитой надписью на фронтоне: «Aux grands hommes la Patrie reconnaissante» («Великим людям — благодарное Отечество»)⁹. Формирование такого рода «воображаемых сообществ» задействует религиозную топику, наполняя ее вполне светским содержанием.

Эпоха формирования наций предложила новый вид синтеза, где переплетаются история и народ, земля и время, а мертвые заодно с живыми неустанно трудятся над поддержанием этого единства. Н.М. Карамзин в предисловии к «Истории государства Российского» пишет по этому поводу: «Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы... да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!» [Карамзин 1989: 21–22].

Единство, поиском которого озабочена историография XIX века, мыслилось по-разному, и если у Карамзина оно интерпретируется в духе сентименталистской доброжелательности и патерналистского руководства, то, развивая эсхатологические аспекты, Мишле смотрит на прошлое как на кладбище, откуда историк извлекает умерших, чтобы дать им голос, право и возможность говорить от их собственного имени. В предисловии к «Истории XIX века» он пишет о «ремесле историка», основная задача которого состоит в том, чтобы «открыть могилы умерших для новой жизни»: «История дает новую жизнь этим мертвцам, воскрешает их. Она справедлива ко всем и объединяет тех, кто жил в разные времена, заставляет явиться вновь тех, кто пришел лишь на одно мгновение, чтобы потом исчезнуть. Все они живут теперь с нами, и мы чувствуем, что мы им родные, друзья. Так создается одна семья, один град общий для мертвых и живых (Ainsi se fait une famille, une cité commune entre les vivants et les morts)» [Мишле 1875: IV]¹⁰.

Прошлое оживает во всей полноте, а люди, казалось бы бесследно канувшие в небытие, обретают вторую жизнь. Человек отныне становится гражданином этой общности (une cité commune), открывая в далеком прошлом начало своей личной истории и обретая бессмертие в будущем. В этом новом ракурсе (вечно) живое начинает противопоставляться тому, что мертвое и не имеет будущего. Именно с этой проблематикой связан тип великого человека, героя, главной чертой которого оказывается способность воплощать, увлекать, соединять, сплачивать даже за пределами собственной жизни. Ведь смерть лишь добавляет необходимые качества, превращая человека в мифологического героя.

Английский историк Томас Карлейль, книга которого «Герои, почитание героев и героическое в истории» («On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History», 1841) была известна русской читающей публике, особенно красочно рисует воздействие великих героев прошлого на настоящее:

А затем подумайте, что делает одно только время в подобных случаях, как человек, если он был велик при жизни, становится еще в десять раз более великим после своей смерти. Какую безмерно увеличивающую камеру-обскуру представ-

9 О культе великих людей и Пантеоне как метафоре нации подробнее см.: [Bonnet 1986; 1998: 53–56]; о понятии «великий человек» в русском контексте см.: [Калугин 2018: 43–45].

10 Анализ этого фрагмента см.: [Уайт 2002: 190–191]. О метафоре судьи как историка см.: [Гинзбург 2021: 22–30].

ляет традиция! Как всякая вещь увеличивается в человеческой памяти, воображении, когда любовь, поклонение и все, чем дарит человеческое сердце, оказывают тому свое содействие. И притом во тьме, полном невежестве, без всякой хронологии и документов, совершенном отсутствии книги и мраморных надписей: лишь то там, то здесь несколько немых, надгробных памятников. Но ведь там, где вовсе нет книг, великий человек лет через тридцать-сорок становится мифическим, так как все современники, знавшие его, вымирают. А через триста, а через три тысячи лет!... <...> Удовлетворимся тем, если мы можем разглядеть в отдалении, самой крайней дали, некоторое мерцание как бы некоего незначительного реального светила, находящегося в центре этого громадного изображения камеры-обскуры [Карлейль 2008: 31].

Образ традиции как камеры-обскуры — устройства, производящего оптическую иллюзию, — позволяет описать особый тип видения. Речь идет о приближении того, что находится вдали, и это дает возможность распознать те очертания, которые приходят к нам из прошлого. Историк у Карлейля представляет собой своеобразного медиума, превращающего свет, исходящий от великих героев, в конкретные образы.

К теме великих людей обращается и Т.Н. Грановский в публичных лекциях, прочитанных в Московском университете в 1851 году («Четыре исторические характеристики»)¹¹. Великие люди, говорит Грановский, «облекают в живое слово то, что до них таилось в народной думе, и обращают в видимый подвиг неясные стремления своих соотечественников и современников» [Грановский 1900: 241–242]. Великие люди не столько являются образцами для подражания — по сути дела, бессмысленно подражать Тимуру или Александру Великому, — сколько ведут за собой, схватывая и воплощая, «облекая в живое слово» внутренние побуждения народов.

Благодаря историку, погружающему своих слушателей в своеобразный транс, герои прошлого становятся активными участниками современности¹².

-
- 11 Лекции произвели сильное впечатление на слушателей, и Аполлон Григорьев, оставивший о них воспоминания, так описывал воздействие Грановского на аудиторию: «Между слушателем и преподавателем... образуется необходима магнитическая связь, с обоих сторон деятельная; сначала они будто чужие друг другу, но мало-помалу между ними устанавливается уровень, и когда он приходит в сознание обоих, тогда взаимодействие растет быстро, слова увлекают слушателей, и аудитория, срастающаяся в одно нравственное лицо, увлекает говорящего» [Григорьев 1844: 168]. Перед нами своеобразное социальное чудо, где стираются различия между людьми благодаря «живому слову».
- 12 Показательной является и полемика о самом Грановском, разгоревшаяся по поводу его манеры преподавания (историк как «актер на сцене»). В письме Е.Н. Эдельсону (1857) А. Григорьев во многом подвел итог этим дискуссиям, поставив ключевой вопрос: «...что важнее: сухая ли дельность специализма или непосредственность даровитости?» [Григорьев 1999: 167]. Отвечая на него, Григорьев использует образы живого и мертвого: «Мертвые сухари (Катков, Леонтьев и проч.) защищали живого — а живые стояли на стороне халуя. Грановский стал наш, а не их с тех пор, как умер: Григорьев — умирай он или живи, издавай десять Хондемиров вместо одного, — ничего общего с нами не имеет и ничего иметь не может» [Там же]. Под «халуем» имеется в виду известный востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьев (1816–1881), опубликовавший в 1856 году в «Русской беседе» (1856, № 3–4) довольно скандальные заметки о Грановском («Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве»). Умерший в 1855 году Грановский оказывается здесь, соответствующим образом, живым, а живые Григорьев, Катков и Леонтьев — мертвыми.

Важно подчеркнуть, что историк здесь не только создает знание о прошлом, но и оживляет его талантом рассказчика, заставляет читателя испытывать наслаждение от того, что деятели былых времен предстают перед глазами словно живые. Именно в этом духе В.О. Ключевский рассуждает о книге Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», представляя ее достоинства:

Русская история была для него музеем, наполненным коллекцией редких или обыкновенных предметов. Он равнодушно проходил мимо последних и останавливался перед первыми, долго и внимательно любовался ими. Чрез несколько времени читающая публика получала прекрасную монографию в одном или двух томах и прочитывала ее с наслаждением, отнимавшим всякую охоту спрашивать, как и из каких материалов построена эта привлекательная повесть. Мы говорим: это костомаровский Иван Грозный, костомаровский Богдан Хмельницкий, костомаровский Стенька Разин, как говорили: это Иван Грозный Антокольского, это Петр В[еликий] Ге, и т.п. Мы говорим: пусть патентованные архивариусы лепят из архивной пыли настоящих Грозных, Богданов, Разинов — эти трудолюбивые, но мертвые слепки будут украшать археологические музеи, но нам нужны живые образы, и такие образы дает нам К[остомаров] [Ключевский 1983: 177–178].

Цитата показательна. Антитеза живого и мертвого включается здесь в противопоставление «патентованных архивариусов» и «историка-писателя», заставляющего читателя забыть о том, «из каких материалов построена эта привлекательная повесть». Историческая точность в каком-то смысле уступает место силе художественной презентации, поэтому Ключевский и говорит о любовании, наслаждении, удовольствии, которые и определяют такое отношение людей друг к другу, где автор — создатель живых образов — разделяет с читателем его восторги.

Во всех сюжетах, о которых шла речь выше, можно без труда распознать определенное видение политики. У Цицерона, например, прошлое связано с памятью о древней республике, политической форме, оставшейся в прошлом, но продолжающей незримо присутствовать в настоящем словно умерший друг, встреча с которым желанна в будущем [Gowing 2005: 1–28]. У Петrarки и Макиавелли это поиск дружеского сообщества, которое делает возможным циркуляцию идей и чувств между прошлым и будущим, помогая противостоять настоящему¹³. В союзе живых и мертвых, как он интерпретируется в эпоху формирования наций, этого неблагополучного настоящего больше нет, оно очищено благодаря неусыпной заботе историка, выявляющего основания той общности, которая существовала всегда и только сейчас обрела свои видимые очертания.

В рассмотренных примерах прошлое в том или ином виде возвращается, а дискурсивные способы, при помощи которых оно схватывается, вполне можно рассматривать как «аллегории неполноты реформируемой современности» [Маслов 2022]. Прошлое может актуализироваться в ученом общении с величими людьми, в ожидании второго пришествия и воскрешения мертвцев, как череда живых картин, захватывающих читателя, превращающегося в зрителя. Все эти метафоры и топосы, с одной стороны, свидетельствуют о неудовлетво-

13 О политических проектах Петrarки в этом ключе см. подробнее: [Baker 2013: 28–121].

ренности современностью и стремлении ее преобразить, а с другой — нормализуют и просеивают прошлое, придавая ему формы, приемлемые для жизни в настоящем. Более глубокое изучение множества образов, контекстов и понятийных конструкций, позволяющих вообразить трансисторическую общность, — дело будущего, однако за всеми ними уже сейчас можно распознать очертания некоего «общего града», в котором мертвые учат живых вести с ними диалог.

Библиография / References

- [Гинзбург 2021] — Гинзбург К. Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри / Пер. с итал. М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. (Ginzburg K. Il guidice e lo storico. Considerazioni in margine al processo Sofri. Moscow, 2021. — In Russ.)
- [Грановский 1900] — Грановский Т.Н. Четыре исторические характеристики // Грановский Т.Н. Сочинения. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1900. С. 241—300. (Granovskiy T.N. Chetyre istoricheskie kharakteristiki // Granovskiy T.N. Sochineniya. Moscow, 1900. P. 241—300.)
- [Григорьев 1844] — Григорьев А. О публичных чтениях г-на Грановского. Письмо 2-ое // Москвитянин. 1844. № 7. С. 167—173. (Grigor'ev A. O publichnykh chteniyakh g-na Granovskogo. Pis'mo 2-oe // Moskvityanin. 1844. № 7. P. 167—173.)
- [Григорьев 1999] — Григорьев А. Письма. М.: Наука, 1999. (Grigor'ev A. Pis'ma. Moscow, 1999.)
- [Грот 1903] — Грот Я.К. Труды. Деятельность литературная, педагогическая и общественная: В 5 ч. Ч. V. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1903. (Grot Y.K. Trudy. Deyatel'nost' literaturnaya, pedagogicheskaya i obshchestvennaya: In 5 pt. Pt. V. St. Petersburg, 1903.)
- [Додсли 1789] — Додсли Р. Учитель, или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук особенно нужных молодым людям: В 12 отд. / Пер. А.А. Петрова с 3-го нем. изд., испр. и умнож. проф. И.М. Шреком и И.И. Эбертом. Ч. 3. М.: В Унив. тип. у Н. Новикова, 1789. (Dodsley R. Der Lehrmeister oder ein allgemeines System der Erziehung worinn die ersten Grundsätze einer feinen Gelehrsamkeit so vorgetragen werden, daß man dadurch das Genie der Jugend am glücklichsten prüfen und ihren Unterricht befördern: In 12 sects. Pt. 3. Moscow, 1789. — In Russ.)
- [Долгоруков 2004] — Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...: В 12 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. (Dolgorukov I.M. Povest' o rozhdenii moem, prois-khozhdenii i vsey zhizni...: In 12 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2004.)
- [Мерсье 1786] — Мерсье Л.-С. Философ, живущий у хлебного рынка // Зеркало света. 1786. № 3. Ч. 1. С. 43—58. (Mercier L.-S. Filosof zhivushchij u hlebnogo rynku // Zerkalo sveta. 1786. № 3. Pt. 1. P. 43—58.)
- [Виттман 2008] — Виттман Р. Революция чтения в конце XVIII в. // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М.: Гранд-Файн, 2008. С. 359—398. (Wittman R. Une révolution de la lecture à la fin du XVIIIe siècle? // Istorya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney / Ed. by G. Cavallo, R. Chartier. Moscow, 2008. — In Russ.)
- [Калугин 2018] — Калугин Д.Я. От гения-творца к гению нации: презентация величия в биографиях М.В. Ломоносова (From Genius-Creator to National Genius: Representations of Greatness in the Biographies of M.V. Lomonosov) // Russian Literature. 2018. № 99. С. 39—70. (Kalugin D.Y. Ot geniya-tvortska k geniyu natsii: reprezentatsiya velichiya v biografiyakh M.V. Lomonosova (From Genius-Creator to National Genius: Representations of Greatness in the Biographies of M.V. Lomonosov) // Russian Literature. 2018. № 99. P. 39—70.)
- [Кантемир 1956] — Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. (Kantemir A.D. Sobranie stikhotvorenij. Leningrad, 1956.)

- [Карамзин 1989] — Карамзин М.Н. История государства Российского: В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1989.
- (Karamzin M.N. Istorija gosudarstva Rossijskogo: In 12 vols. Vol. I. Moscow, 1989.)
- [Карамзин 1964] — Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964.
- (Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya: In 2 vols. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1964.)
- [Карлайль 2008] — Карлайль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Пер. с англ. под. ред. Ю. Кулишенко, Н. Соломадиной. М.: Эксмо, 2008.
- (Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship, and the Heroic in History. Moscow, 2008. — In Russ.)
- [Кеведо 2006] — Кеведо-и-Вильегас Ф. де. Наслаждаясь единением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет // Поэзия испанского барокко / Сост. В.Н. Андреев, А.Ю. Миролубова. СПб.: Наука, 2006. С. 200.
- (Quevedo y Villegas F. de. Gustoso el autor con la soledad y sus estudios, escribió este sone-to // Poeziya испанского barokko. Comp. by V.N. Andreev, A.Yu. Mirolyubova. St. Petersburg, 2006. P. 200. — In Russ.)
- [Ключевский 1983] — Ключевский В. О. Непопубликованные произведения. М.: Наука, 1983.
- (Klyuchevskiy V.O. Neopublikovannye proizvedeniya. Moscow, 1983.)
- [Лотман 1992] — Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 296—337.
- (Lotman Yu.M. Dekabrist v povsednevnoy zhizni (Bytovoe povedenie kak istoriko-psihologicheskaya kategorija) // Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i: In 3 vols. Vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin, 1992. P. 296—337.)
- [Макьявelli 2004] — Макьявelli Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма / Пер. с итал. под ред. Е.В. Пановой. М.: ACT, 2004.
- (Machiavelli N. Sochineniya istoricheskie i politicheskie. Sochineniya khudozhestvennye. Pis'ma. Moscow, 2004. — In Russ.)
- [Маслов 2022] — Маслов Б. «Став на стороне отца, наш эпос очернил сына»: две заметки об исторической поэтике узнавания // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. 2022. (В печати.)
- (Maslov B. "Stav na storone ottsa, nash epos ochernil syna": dve zametki ob istoricheskoy poetike uznavaniya // RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series. 2022. (In print.))
- [Муравьев 1819] — Муравьев М.Н. Полное собрание сочинений: В 3 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Российской Академии, 1819.
- (Murav'ev M.N. Polnoe sobranie sochineniy: In 3 pt. Pt. 2. St. Petersburg, 1819.)
- [Петарка 2004] — Петрарка Ф. Письма. СПб.: Наука, 2004.
- (Petrarca F. Pis'ma. St. Petersburg, 2004.)
- [Подорога 2019] — Подорога В. Убежище Пруста (Заметки по аналитической антропологии литературы) // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 16—37.
- (Podoroga V. Ubezhiishche Prusta (Zametki po analiticheskoy antropologii literatury) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. № 5 (159). P. 16—37.)
- [Пруст 1983] — Пруст М. О чтении // Человек читающий. Homo legens: Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества / Сост. С.И. Бэлза. М.: Прогресс, 1983. С. 123—152.
- (Proust M. O chtenii // Chelovek chitayushchiy. Homo legens: Pisateli XX v. o roli knigi v zhizni cheloveka i obshchestva / Comp. by S.I. Belza. Moscow, 1983. P. 123—152.)
- [Тацит 1993] — Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы // Тацит. Сочинения: В 2 т. / Отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Ладомир, 1993. Т. 1. С. 327—353.
- (Tacitus. De vita et moribus Iulii Agricolae // Tacitus. Sochineniya: In 2 vols. / Ed. by S.L. Utchenko. Moscow, 1993. Vol. 1. P. 327—353. — In Russ.)
- [Уайт 2002] — Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.
- (White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. — In Russ.)
- [Цицерон 1974] — Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1974.
- (Cicero. Dialogi. Moscow, 1974.)
- [Шаховской 1821] — [Шаховской Я.П.] Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. 2-е изд. СПб.: В тип. Ивана Глазунова, 1821.
- ([Shahovskoy Ya.P.] Zapiski knyazy YaKOva Petrovicha Shakhovskogo, pisannye im samim. 2nd ed. St. Petersburg, 1821.)
- [Baker 2013] — Baker S. Political Petrarchism: The Rhetorical Fashioning of Community in Early Modern Italy: PhD thesis. New York: Columbia University, 2013.

- [Bell 2003] — *Bell D.A. The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680—1800*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
- [Bettini 1993] — *Bettini M. Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, Images of the Soul (Ancient Society and History)*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991.
- [Bonnet 1986] — *Bonnet J.-C. Les morts illustres // Les lieux de mémoire: 3 t. / Sous la direction de P. Nora*. Paris: La Nation, 1986. T. 2. P. 217—239.
- [Bonnet 1998] — *Bonnet J.-C. Naissance du Panthéon. Essai sur le culte des grands hommes, L'esprit de la cité*. Paris: Fayard, 1998.
- [Booth 1980] — *Booth Wayne C. "The Way I Loved George Eliot": Friendship with Books as a Neglected Critical Metaphor // The Kenyon Review. New Series*. 1980. Vol. 2. № 2. P. 4—27.
- [Brown 1981] — *Brown P. The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- [Derrida 1994] — *Derrida J. Politiques de l'amitié*. Paris: Éditions Galilée, 1994.
- [Gowing 2005] — *Gowing A.M. Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- [Kahn 2000] — *Kahn A. Self and Sensibility in Radishchev's Journey from St. Petersburg to Moscow: Dialogism, Relativism, and the Moral Spectator // Self and Story in Russian History* / Ed. by L. Engelstein, S. Sandler London: Cornell University Press, 2000. P. 280—305.
- [Koselleck 2004] — *Koselleck R. Historia Magistra Vitae: The Dissolution of the Topos into the Perspective of a Modernized Historical Process // Koselleck R. Futures past: on the Semantics of Historical Time*. Cambridge, MA: Columbia University Press, 2004. P. 26—43.
- [Michelet 1875] — *Michelet J. Histoire du XIXe siècle. T. II: Jusqu'au 18 Brumaire*. Paris: Michel Lévy frères, 1875.